

Е. А. РЕФЕРОВСКАЯ

ЛАТИНСКАЯ «МЕДИАЛЬНАЯ» ФОРМА

(Посвящается акад. В. В. Струве. К 70-летию со дня рождения)

В индоевропейских языках на смену древнему противопоставлению актива и медиума, имевших свои особые сферы применения и свои специальные формы, постепенно пришло новое противопоставление актива пассиву. Последний выражался в древних языках сперва при помощи старых форм медиума, имеющих семантические точки соприкосновения с пассивом, а позднее — посредством именных предикативных конструкций. В новых европейских языках аналогичную роль играют отчасти те же предикативные конструкции, отчасти глагольные сочетания с возвратным местоимением, включающиеся в грамматическую систему в качестве залоговых форм.

Постепенное затухание медиума и развитие за его счет пассива отчетливо прослеживается на материале латинского языка. Весьма важно в этом отношении своеобразное развитие древней медиальной формы на *-r*. Вопрос о грамматическом характере форм на *-r* стал пользоваться особым вниманием со времени обнаружения памятников хеттского, а затем тохарского языков. Ознакомление с ними оживило дискуссию о происхождении латинских форм на *-r*¹.

Наиболее убедительная теория, сводящаяся к тому, что формы *fertor* и *ferontor*, представленные в историческую эпоху в виде *fertur* и *feruntur*, являются результатом контаминации древней формы безличности на *-r* (**bher* + гласная + *r*) и медиальной формы (**bher-to* — 3-е лицо ед. числа и **bher-onto* — 3-е лицо мн. числа)². Действительно, значительная часть латинских деponentных глаголов может быть сведена к категории древних *media tantum* и соответствует медиальным формам индоиранских и древнегреческого языков³. Особенность латинских деponentных глаголов заключается в том, что они существуют в форме на *-r* и не имеют соответственных форм актива.

Значение и употребление форм на *-r*, главным образом в ранние периоды латинского языка, с очевидностью подтверждают предположения о том, что этимологически они восходят к сращению древних форм медиума с показателем безличности *-r*. В самом деле, в древнем латинском возможно безличное употребление формы на *-r* как для непереходных, так и для переходных глаголов, даже сопровождаемых прямым дополнением:

¹ См. С. Н. Balmori, *Observaciones para el estudio de los verbos deponentes*, «Emerita», t. II, Sem. 1—2, Madrid, 1934; E. F. Claflin, The nature of the Latin passive in the light of recent discoveries, «American journal of philology», vol. XLVIII, 2, Baltimore, 1927; ее же, *Videor* as a deponent in Plautus, «American journal of philology», vol. LXIV, 1, 1943; ее же, The middle voice in the de Senectute, «American journal of philology», vol. LXVII, 3, 1946; A. G. Hatcher, *Reflexive verbs: Latin, old French, modern French*, Oxford, 1942.

² См. A. Ernout, *Recherches sur l'emploi du passif latin à l'époque républicaine*, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. XV, fasc. 5, Paris, 1909; J. Verdrye, Les formes verbales en *-r* du tocharien et de l'italo-celtique, «Revue celtique», vol. XXXIV, № 2, 1913.

³ См. J. Charpentier, *Die verbalen r-Endungen der indogermanischen Sprachen*, Uppsala, 1917 (см. особенно стр. 70—101).

«incerte errat animus, praeter propter vitam vivitur» (Ennius, Trag. 190¹); «pressumis me despiciatur modis» (Plaut., Cas., 177). В классической латыни безличная (вернее, неопределенно-личная) форма употребляется уже только от непреходящих глаголов: «Eorum ego vitam mortemque iuxta aestumo quoniam de utraque siletur» (Sall., C. Cat., II).

Форма на -r, постепенно превращаясь в форму пассива, сохраняла старые связи с категорией безличности. В наиболее древних памятниках латинского языка она употребляется как пассив, преимущественно в форме 3-го лица ед. числа, т. е. в той самой форме, которая служит выражением безличности: «inde nunc aufugit, quoniam capitur oppidum» (Plaut., Poen., 665); «Palaeatricis somnium narratur» (Plaut., Mil. gl., II, IV). Особенно близка к безличной форме такая форма личного пассива, при которой не выражен агент². Именно эта конструкция преобладает в классической латыни: «Igitur domi militiaeque boni mores colebantur» (Sall., C. Cat., IX); «mors Sex. Roscii quadriduo, quo is occisus est, Chrysogono nuntiatur» (Cic., Rosc. Am., 37, 105). Форма на -r может выступать и как носитель древнего медиального значения. В латинском языке оно гораздо менее богато, разнообразно и живо, чем в греческом, и сводится, в сущности, к «статкам» возвратного и взаимного значений и медиума «заинтересованности».

В о з в р а т н о е значение³ передают глаголы, относимые к разряду медиопассивных: «umquam concessamus lavari aut fricari, aut tergeri, aut ornari, peliri, expliri, pingi, fingi» (Plaut., Poen., 220—221). Незначительное число глаголов на -r сохраняет значение в з а и м н о г о залюга: «copulantur dexteras» (Plaut., Aulul., 116). Оба эти значения, как правило, подчеркивались в предложении также и лексически⁴: «Sed memet morer» (Plaut., Cist., IV, II); «Nil cessarunt ilico osculari atque amplectari inter se» (Plaut., Mil. gl., V, I).

Так называемый «медиум заинтересованности» пред-

¹ В статье приняты следующие сокращения: Caes., B. G.—«C. Julii Caesaris commentarii de bello gallico», Leipzig, 1871; Cic., Acad.—«M. T. Ciceronis academicarum questionum», Paris, 1817; Cic., Cacc.—«M. T. Ciceronis orationes»—«Oratio pro Caccina», Oxford, 1911; Cic., Ep. Att.—«M. T. Ciceronis epistolae ad Atticum», Paris, 1817; Cic., Ep. Quint. fr.—«M. T. Ciceronis epistolae ad Quintum fratrem», Paris, 1817; Cic., Nat. deor.—«M. T. Ciceronis de naturae deorum», Lipsiae, 1869; Cic. Rosc. Am.—«M. T. Ciceronis pro Sexto Roscio Amerino oratio», в кн. «Ciceros Reden», Berlin, 1867; Ennius, Trag.—«Tragicorum romanorum fragmenta»—«Ennius», Lipsiae, 1871; Fredeg., Chr.—«Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici», Hannover, 1888; Fredeg., Chr. cont.—то же, continuationes, Hannover, 1888; Gesta Theodor.—«Gesta Theodorici regis», Hannover, 1888; Hist. Daretis Frigii de orig. franc.—«Historia Daretis Frigii de originibus francorum», Hannover, 1888; Jib. hist. franc.—«Jiber historiae francorum». Вариант A, Hannover, 1888; MGH—«Monumenta Germaniae historica»; Mulom. Chiron.—«Mulo-medicina Chironis», Heidelberg, 1910; Passio ep. et. mart. Arverni—«Passio episcoporum et martyrum Arverni», Hannover, 1906; Plaut., Aulul.—«T. M. Plauti Aulularia», Lipsiae, 1881; Plaut., Cas.—«T. M. Plauti comoediae»,—«Casina», Hannover, 1887; Plaut., Cist.—«T. M. Plauti comediae»,—«Cistellaria», Paris, 1832; Plaut., Mil. gl.—«T. M. Plauti comoediae»,—«Miles gloriosus», Paris, 1832; Plaut., Poen.—«T. M. Plauti comoediae»,—«Poenulus», Lipsiae, 1896; Sall., C. Cat.—«C. Sallustius Crispus conjuratio Catilinae», M., 1947; Tac., Ann.—«Cornelii Taciti annales», Lipsiae, 1872; Tac. Hist.—«Cornelii Taciti historiarum libri», Lipsiae, 1957; Vitae Caesar.—«Vitae Caesaris episcopi Arelatensis», Hannover, 1896; Vitae Columb.—«Vitae Columbanii abbatis», Hannover, 1902; Vitae Desid.—«Vitae Desiderii episcopi Viennensis», Hannover, 1896; Vita Eligii—«Vita Eligii episcopi Noviomagensis», Hannover, 1902; Vita Galli Vet.—«Vita Galli vetustissima», Hannover, 1902; Vita Sigir.—«Vita Sigiramni abbatis Longoretensis», Hannover, 1902.

² Наиболее древние формы пассива не сопровождаются ни подлежащим, ни агентом. Впрочем возможность появления агента при пассиве относится еще к очень отдаленным временам: А. Мейе приводит пример из трагедии Навия: *laetus sum laudari me abs te, pater, laudato viro* (А. Мейе и Лелет, *Esquisse d'une histoire de la langue latine*, Paris, 1931).

³ См. F. Stolz, J. Schmalz, *Lateinische Grammatik: Laut- und Formenlehre, Syntax und Stilistik*, München, 1928, стр. 544.

⁴ См. G. Reichenkron, *Passivum, Medium und Reflexivum in den romanischen Sprachen*, Jena—Leipzig, 1933.

ставлен в языке всего двумя глаголами¹: *liceor* «назначать свою цену за покупаемый товар» и *pigneror* «брать в залог». В некоторой мере сохраняют оттенок старого медиального значения глаголы, выражающие внутренние процессы духовной жизни человека, а также непосредственно примыкающие к ним глаголы, обозначающие акт речи: *recordor*, *arbitror*, *suspicio*, *miror*, *reor*, *miseror*, *loquor*, *for*, *hortor* и др.

Таким образом, в классическую пору форма на *-r* оказывается грамматически многозначной. Казалось бы, наиболее четко залоговое значение формы на *-r* должно было выступать в тех случаях, когда глагол имеет обе формы: на *-o* и на *-r*. Последняя могла бы либо быть пассивом, либо передавать один из оттенков медиального значения. Однако в ряде случаев значение обеих форм идентично; например: *domino* — *dominor*, *sciscito* — *sciscitor*, *modifico* — *modifcor*, *contemplor* — *contemplo*, *populo* — *populo*, *comperio* — *comperior* и т. д.

Не только Плавт и Теренций, но и Цицерон употребляли, по-видимому, безразлично ряд глаголов как в «медиальной», так и в «активной» форме². Иногда более древней является форма на *-o*: *amplecto*, *arbitro*, *contemplo*, *populo* (Плавт); иногда она возникает позднее и оттесняет старую форму на *-r*: *communico*, *comperio*, *punio*³.

У поздних авторов засвидетельствованы: *abominor* (у Ливия), *admirmuror* (у Фронта), *aggeniculator* (у Тертуллиана) и др. Причина существования таких глагольных «дублетов» заключается в утрате формой на *-r* медиального залогового значения, в результате чего употребление формы на *-o* или на *-r* могло казаться безразличным, если последняя не служила пассивом. Ср. у Цицерона: «ita meruisse illum de me puto, ut...» (Cic., Ep. Att., IX, 7); «Ciceronem, et ut rogas, amo, et ut meretur et debeo» (Cic., Ep. Quint. fr., III, 9). У Тацита: «maiores mei meruerant ut posteros haberent» (Tac., Ann., 2, 37); «habitu et incessu an illo muliebri ornatu mereretur imperium (Otho)». (Tac., Hist., II, 30). У Цезаря: «si quid vellent, ad Ides Apriles reverterentur...» (Caes., B. G., I, 7); «Ubi ea dies, quam constituerat cum legatis, venit, et legati ad eum reverterunt...» (там же, I, 8).

Грамматическая двусмысленность форм на *-r* приводила к «недоразумениям». Иногда депоendentным глаголам приписывалось пассивное значение. Ср. *abominor*, *hortor* у Варрона, Апулея, Присциана; *polliceri* у Ульпиана и Амброзия; *crimino* у Цицерона. Утрачивая свое старое залоговое значение, форма депоendentных, а также и медиопассивных глаголов становится равной по своему залоговому содержанию форме действительного залога, не имеющей специального залогового показателя. Ср. *errare per agros* и *vagari per agros*; *revertor ex provincia in Italiam* и *redeo ex provincia in Italiam* или *remeo ex provincia in Italiam*. *Moveor* и *vertor* совершенно равнозначны с *moveo* и *verto*, употребленными в непереходном смысле.

*

Медиальные глаголы наряду с выражением специфических оттенков отношения между субъектом и действием обозначали это действие как сосредоточенное на субъекте и ограниченное сферой субъекта. Форма на *-r* в непереходных глаголах, утратив значение медиума, сохраняла грамматическое значение непереходности, и именно как форма непереходности она осталась свойственна глаголам движения: *proficiscor*, *orior*, *vagor*, *labor*, *moveor*, *vertor*. Становясь формой непереходности, форма на *-or*

¹ См. F. Stolz, J. Schmalz, указ. соч., стр. 544.

² См. G. Reichenkron, указ. соч., стр. 9—11; A. Draeger, Historische Syntax der lateinischen Sprache, Bd. I, Leipzig, 1878, стр. 153.

³ См. A. Meillet, J. Vendryes, Traité de grammaire comparée des langues classiques, Paris, 1948, стр. 242; O. Rieman, H. Goelzer, Grammaire comparée du grec et du latin, Paris, 1897, стр. 242.

противопоставляется форме на -о в плане этого грамматического значения и начинает служить средством формальной дифференциации переходных и непереходных действий.

В классической латыни много пар глаголов, в которых форма на -о обозначает переходный, форма на -r — непереходный вариант действия: *delecto — delector, moveo — moveor, relinquo — relinquer, colligo — colligor, verto — vector*. С точки зрения выполняемой ими грамматической функции весьма показательно сопоставление глаголов, оформленных окончаниями -or, -o. Так, форма *moveo* может иметь два грамматических значения: переходности (при наличии прямого дополнения): «*Parmenides ignem (dixit esse) qui moveat terram*» (Cic., Acad., II, 37) и непереходности: «*haec autem scribebam... XIV die postquam ille Canusio moverat*» (Cic., Ep. Att., IX, 1).

Форме *moveor* могут соответствовать также два значения: непереходность и пассивность; последнее значение — преимущественно в присутствии агенса или обстоятельства причины, выраженных дополнением в аблативе: «*quod (Aristoteles) omnia quae moventur aut natura moveri censuit aut vi aut voluntate*» (Cic., Nat. deor., II, 15, 44).

При отсутствии дополнения-агенса восприятие формы -or как пассивной ничем не оправдано формально, а иногда и по существу: «*Stellae tum occultantur tum rursus aperiantur tum celerius moventur tum tardius tum omnino ne moventur quidem*» (Cic., Nat. deor., II, 20, 51)¹.

Таким образом, как форма залога форма на -о (= действительному залогу) противопоставляется форме на -or (= страдательному залогу)². Как форма непереходности форма на -or противопоставляется форме на -о, выражающей переходное действие. В последнем случае залоговое значение одинаково: *moveo* «я двигаю (что-то)», *moveor* «я двигаюсь».

У большей части глаголов, выступающих в форме на -о и в форме на -r, последняя может иметь пассивное значение, обычно поддерживаемое в предложении агенсом. У некоторых глаголов форма на -о и переходна, и непереходна. Ср.: 1) *relinquo* как переходный глагол: «*...qui signa relinquere aut, pulsus, loco cedere ausi erant...*» (Sall., C. Cat., IX); 2) *relinquer* как непереходный глагол: «*Relinquebatur una per Sequanos via, qua Sequanis invitis propter angustias ire non poterant*» (Caes., B. G., I, 9); но и 3) *relinquer* как пассив: «*usucapio fundi non a patre relinquitur, sed a legibus*» (Cic., Caec., 74).

*

В поздней латыни процессы, связанные с преобразованием отношений между формой на -о и формой на -r, расширяются и углубляются. Изменение самих форм и их употребления в языке этого периода обычно принято считать «путаницей», «неясностью»³, которые то приписывают отдельным авторам, то рассматривают как характерную черту языка эпохи. Возможна другая точка зрения. Следует учитывать, что в этот период язык, освобожденный от стеснения литературной нормы, живет в устах народа, почти не регулируется письменной традицией, которая не может теперь оказывать сколько-нибудь эффективного влияния на его развитие. Большинство населения латинский язык воспринял сравнительно недавно, что тоже не способствует сохранению старых норм его употребления. Все эти условия обеспечивают языку возможность свободного развития, интенсивного, быстрого, но, как правило, идущего в том же направлении, которое наметило в более древние периоды. Формы на -r продолжают

¹ Впоследствии местоименная форма взяла на себя функцию обозначения непереходного действия. Выражение пассивного действия осталось временно за формой на -or. Окончательная утрата формы на -or произошла уже в период поздней латыни.

² Ср. *moveo* «двигаю» (или «сам двигаюсь») — *moveor* «меня двигают».

³ Ср. А. Натчер, указ. соч., стр. 24.

то движение, которое началось значительно раньше и которое в новых условиях привело к полному их исчезновению: появляются формы на *-r* для ряда непереходных глаголов, имевших прежде «активные» формы, а бывшие депонентные и медиопассивные глаголы получают формы на *-o*. Процесс замены форм на *-r* формой на *-o* поддерживается фонетическими закономерностями, но необходимым условием для исчезновения форм на *-r* являлась утрата ими медиального значения и замена их в значении пассива другими наличными средствами. В инфинитивах такие замены основаны отчасти также на фонетическом слиянии конечных *e* и *i* — явления, получавшем особое значение в условиях забвения семантики форм на *-r*¹.

Замены форм на *-r* формами на *-o* в поздний период представляются совершенно законными для депонентных глаголов, форма которых давно уже не несла никакой специальной смысловой нагрузки (ср. *conare* вместо классического *conari*, *arbitrare* вместо *arbitrari*, *adgredere* вместо *aggredi*, *utere* вместо *uti* и т. п.). При этом глаголы третьего спряжения получают аналогичную форму инфинитива на *-re*: «...ego vivens hinc non revertar, si non potuero necem illius ulciscere» (Hist. Daretis Frigii de orig. franc., MGH II, 198); «...vasculum argentum, quem tuere debuerat, furtim abstulit...» (Passio ep. et mart. Arverni, 19, MGH V, 237); «...dum se sub specie Christum diceret confitere...» (Vita Desid., 2, MGH III, 638); «Quem rogat, ut...legationem fungere curet...» (Vita Columb., I, 30, MGH IV, 108); «Igitur cum indignus digna optem prosequere...» (Vita Desid., 1, MGH III, 638).

Если в замене форм инфинитива еще можно усматривать отчасти результат фонетического слияния конечных *e* и *i*, то замена личных форм дает убедительное подтверждение забвения старой роли формы на *-r*. Да и естественно, форма, особое значение которой, в сущности, уже давно утрачено, постепенно все больше забывалась. Ср. у Фредегария: «Quoscumque de gentem nobilem reperiret, totusque humiliare conabat» (Fredeg., Chr., IV, 27, MGH II, 131); «Judas Gallileos ad revelandum Judaecos quoorat» (там же, II, 33); «His auditis Bellesarius, cum arbitraret impossibile Wandalos superare... ad propriam remeavit» (там же, II, 62). Ср. также: «...princeps navale proelium praeparavit, qualiter eos ad internitionem persqueret» (Fredeg., Chr. cont. 32, MGH II, 182); «Et cum post tanta et talia tempestate quassatus... cunctaret in Domino...» (Vita Desid., 7, MGH III, 640). В Рейхенаусском глоссарии приводятся формы на *-o* некоторых глаголов, бывших прежде депонентными: 275 — *ortaret*; 413/3 — *preco*; 449, 9 — *moliebat*, *meditabat*, *conabat*².

Вытеснение формы на *-r*, начавшись в области депонентных глаголов, где она, не поддержанная содержанием, была наиболее слаба, распространяется и на те случаи, когда ею выполняется вторая ее функция, более поздняя и устойчивая. В значении пассива форма на *-r* заменяется описательными формами, передвинувшимися от перфектного значения к инфектному.

Отождествление грамматического осмысления форм на *-o* и на *-r* приводит также к тому, что нередко глаголы, имевшие в классическом языке форму на *-o*, выступают в поздних текстах в форме на *-r*. Как правило,

¹ Ср. M. Bonnet, Le latin de Grégoire de Tours, Paris, 1890; J. Vieillard, Le latin des diplômes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne, Paris, 1927; O. Haag, Die Latinität Fredegars, RF, Bd. X, Hf. 5, 1899; A. H. Salonius, Vitae patrum. Kritische Untersuchungen über Text, Syntax und Wortschatz, Lund — Leipzig, 1920; D. L. Norberg, Syntaktische Forschungen auf dem Gebiete des Spätlateins und des frühen Mittellateins, Uppsala, 1943; E. Löfstädter, Philologischer Kommentar zur Peregrinatio Aetheriae, Oxford — Uppsala — Leipzig, 1911.

² Ж. Вьейяр считает, что замена депонентной формы активной формой в языке хартий представляет собой редкость в силу того, что писцы стараются сознательно ее избегать» (см. J. Vieillard, указ. соч., стр. 160).

это глаголы непереходные¹, в которых форма на *-r* подчеркивает именно этот их грамматический характер: «*claudicaretur assidue et paene diffideret se nulla posse sanandi invenire fortuna...*» (Vita Desid., 11, MGH III, 642)².

Стремление некоторых исследователей непременно найти особые грамматические значения, помимо отмеченных выше, в форме на *-r* для поздней латыни представляется напрасным³. Равнозначность форм на *-o* и на *-r* подтверждается возможностью употребления их в одном и том же тексте в равном значении: «*Eo tempore rex Chilpericus graviter egrotavit. Quo recuperante, filius eius... egrotare coepit... Deinceps Chlotbertus... cum nimis egrotaretur... basilicam sancti Medardi duxerunt*» (Lib. hist. franc., A. 34, MGH II, 299—300). Неустойчивость формы на *-r* во все периоды развития латинского языка связана с недостаточной яркостью ее семантической окраски как формы залога. Можно наблюдать двукратное изменение этой формы для некоторых глаголов в период от архаической до поздней латыни. Так, архаический глагол *того* в классический период стал депонентным; в поздней латыни он опять утратил эту форму: «*Iunctus supradicto pontifici Arnulfo, cum ipso quantisper moravit*» (Vita Columb., II, 23, MGH IV, 144). Утрата формой на *-r* ее старого медиального значения приводит к тому, что она начинает вступать в сочетание с местоимением *se*: «*ex qua causa valde claudicet... portari se non facile potest*» (Mulom. Chiron., II, XXIV); «*Beatus pontifex... non potuit se contineri propter dolorem*» (Vita Galli Vet., 5, MGH IV, 253); «*Ravennam ingressus est ibique quibus se tueri posset adversus hostes municionum preparare obstacula cepit*» (Gesta Theodor., 7, MGH II, 204); «*Interea verum ita se agerentur nullatenus a nobis est reticendum*» (Vita Sigir., 13, MGH IV, 613).

В период поздней латыни местоименная форма начинает перенимать грамматические значения формы на *-r*, в том числе и значение непереходности. Ср. «*Ubi cum ingressus fuisset... ad orationem prosternitur...*» (Vita Caesar. 2, MGH III, 484) и «*...et ingressus domum, prostravit se in pavimento...*» (Vita Eligii, II, 18, MGH IV, 709).

*

Таким образом, бывшая форма медиума по мере затухания ее старых медиальных значений выступала в классической латыни как форма пассива и непереходности. Некоторые значения медиума оставались в ней лишь как реликтовые. Так называемые депонентные глаголы уже в классическую пору, не обладая никаким специфическим залоговым грамматическим значением, сохраняют форму на *-r* как форму непереходного действия. Оформляя именно это грамматическое значение, форма на *-r* служит средством дифференциации действия по корреляции переходности. От оформления противопоставления актива медиуму она переместилась к оформлению противопоставления актива пассиву и переходности — непереходности. Впоследствии в значении пассива она вытесняется описательными конструкциями и в значении непереходности — превращающимся в глагольную форму сочетанием глагола с местоимением *se*.

¹ В исключении форма на *-r* сообщается иногда переходным глаголом. Ср. у Ж. Вьейяра (указ. соч., стр. 161): «*haec auctoretas firmiorem obtineatur vigorem*» (XIV, 13); «*Ubi chorus virginum, carmena... canuntur*» (Т. 19, 7—8).

² Ср. *rideor* (у Петрония), *captor*, *gaudeor* (у Августина) и др. См. F. Muller, The passive voice in vulgar Latin, «Romanic review», t. XV, № 1—2, 1924.

³ Так, например, А. Хатчер (указ. соч., стр. 31—34) утверждает, что форма на *-o* всегда выражает действие «самопроизвольное», «естественное» для субъекта; форма на *-r* — действие, «вызывающее» чем-либо, «причиненное». Это могло бы быть справедливым только для случаев превращения формы на *-r* в пассив, ибо такое действие предполагает наличие агенса.